

К ВОПРОСУ О МАРТИРИЯХ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

Мартирием или меморием (от *греч.* мартис – “свидетель”, *лат.* *memorium*) являлась памятная для христиан святыня, чаще всего место погребения мученика или святого, его мощей, превращенное в сакральный объект, храм или часовню, молельню [Armstrong, 1990, p. 580-582]. Такое здание обычно имело крестовидную, квадратную, прямоугольную, триконхиальную, тетраконхиальную, октогональную или круглую в плане форму, иногда с куполом и экседрой, апсидой. Кроме того, оно могло быть окружено галереями, впрочем, не обязательными. Исходя из этой планировки, А. Грабар выделял семь типов мартириев [Grabar, 1946; Grabar, 1949, p. 95-104]. Под апсидой или вимой, а иногда под центральной частью наоса обычно находилась подземная крипта с гробницей мученика (мучеников), куда вел ход. Честные мощи иногда клали в реликварий, раку, саркофаг. Мартирий также мог быть воздвигнут в память свидетелей, лично видевших некое чудо, совершенное Богом на данном месте (теофанический меморий). Сами современники не различали понятия мемория и мартирия, для них они были синонимичны, но современные исследователи иногда относят памятники с мощами исключительно к мартириям, а воздвигнутые в память Божьего чуда – к мемориям, хотя такое деление совершенно условно. Отличительной особенностью мартирия - мемория являлось отсутствие захоронений иных христиан в непосредственном контакте со святым местом, святыней, гробницей, ракой мученика. Их хоронили рядом с мартирием и такие места считались привилегированными, особенно почетными (*ad sanctos*). В мартирии община верующих собиралась обычно для совместного отправления заупокойного культа, для почитания дня памяти святого или мученика [Grabar, 1946; Krauthimer, 1960, p. 15 - 40; Klausner, 1974, p. 221 - 229; Deichmann, 1979, p. 144 - 169; Ward-Perkins, 1993, p. 20 - 37; Early Christian, 2006].

Исходя из этих внешних и внутренних критериев попробуем определить, какие сооружения V-IX вв. на территории ранневизантийского Херсона и его ближайших окрестностей могут быть отнесены к категории мартиральных и можно ли выделить среди них определенные типы, разновидности. Это тем более актуально, что подобная попытка исследования на херсонесском материале была предпринята единственный раз, охватывала не все возможные памятники такого рода и не со всеми ее выводами можно согласиться безоговорочно [Klenina, 2006, 85-100; Klenina, 2006 a, 117-127¹].

На первый взгляд, к наиболее убедительным архитектурно-археологическим объектам такого рода относится помещение на восточной оконечности так

называемой южной галереи самой крупной в городе Уваровской базилике (№23), которая идентифицируется нами на основании письменных агиографических источников IX-X вв. как “большая базилика”, то есть кафоликон Святых Апостолов Петра и Павла. Построенный к концу VI в., он успешно сохранял роль епископального центра Херсона вплоть до XIII в. Здесь размещалась епископская резиденция, баня, возможно, птохоторофон в южной галерее, отдельно стоящий баптистерий с большой купелью и базиликальный храм А, раскопанный К.К. Косцюшко-Валючкиным в 1904 г., который может быть соотнесен с известной из херсонской агиографии церковью Св. Прокопия [Сорочан, 2005, с. 153 - 181; Сорочан, 2005a, с. 157-162].

Галереобразное камарное сооружение при Уваровской базилике, разделенное на несколько комнат, заканчивалось обособленным восточным двухкамерным помещением с апсидой, которое было не “часовней”, как обычно указывают исследователи, а действительно могло играть роль кимитория - многоярусной усыпальницы (*koimeterion*) при мартирии. Недаром его полы были вымощены мозаикой, к сожалению, не сохранившейся к настоящему времени, а с западной стороны находился подземный, вырубленный в скале склеп с лестницей из семи ступеней [Уваров, 1855, с. 159 (план), 167 - 168; Таврическая губерния, 1893, с. 37 - 38, рис.71].

Общая длина мартирального храма достигала 11 м, ширина – 6 м. При этом длина помещения с апсидой равнялась 5 м, а смежного с ним помещения – 3,95 м. Оба они сообщались через проход шириной 1,4 м. В склеп из первого помещения вел открытый сверху ступенчатый дромос длиной 1,3 м, шириной 0,9 м, глубиной до 1,1 м, который заканчивался сводчатым входом (1,55 x 0,6 м), вероятно, с дверью, открывавшейся внутрь погребальной камеры. Последняя имела почти квадратную форму (3,4 x 3,2 м), высоту 1,8 м, с плоским, хорошо обработанным потолком и с закругленными углами². В целом, склеп был достаточно типичным для раннесредневековых памятников Херсона, если не считать отсутствия ниш-лежанок в боковых стенах, которые, будучи выполнены в более мягких пластах скалы, нежели потолок, подверглись значительной эрозии и, если были, то обвалились³. Стену над входом в усыпальницу срубили

² К.К. Косцюшко-Волюжинич указал несколько отличные размеры камеры: 3,55 м ширины, 2,85 м глубины и 1,78 м высоты, что, вероятно, объяснимо существенными неровностями известняковых стен, подвергшихся эрозии [Отчет за 1901 год, л.22]. Приведенные выше размеры мартирия и склепа получены во время натурных работ автора в феврале 2003 г.

³ Склеп совершенно аналогичного размера и устройства, но более грубой работы и без ступеней в дромосе, обнаружен в ходе раскопок некрополя около берега Карантинной бухты.

¹ Статья повторена с некоторыми купюрами.

ровно и устроили в ней две небольшие глубокие ниши для светильников или свечников. В помещении над склепом имелось круглое отверстие диаметром 0,45 м, прикрывавшееся, по словам К.К. Косцюшко-Валюжинича, квадратной плитой 0,7 x 0,7 м [Отчет за 1901 год, с. 22]. Такие отверстия служили для отправления поминальных братских трапез - агап ("трапез любви"), когда через них совершали возлияния прямо в склеп. К слову, формальное запрещение еды внутри храмов и устройства агап последовало только после принятия соответствующих канонов (74, 76) Пято-Шестого (Трульского) собора 691 - 692 гг. [The Canons, 1995, p. 156], когда херсонский мартрий уже давно существовал.

Не исключено, что мемориальная мозаичная надпись - эпитафия конца VI - VII вв., поминавшая сирийца Малха и его родню, очевидно, одного из видных ктиторов храма Святых Апостолов, имела отношение к этой усыпальнице и тем, кто был в ней похоронен рядом со святыми мощами [Якобсон, 1959, с. 237; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с. 597, 599]⁴. Среди них могли быть и епископы Херсона, более других достойные редкой чести упокоиться при соборной церкви их кафедры рядом с мартрием.

Дверной проем шириной 0,9 м со стороны южного нефа базилики облегчал доступ верующим к гробнице, расположенной таким образом недалеко от алтаря, внутри особо выделенной постройки, которая, учитывая ее отчетливо выраженный гробничный характер, не могла служить скевофилакием, как и соседняя, связанная с ней проходом в смежной стене, небольшая поздняя церквушка ("капелла") с престолом, устроенная, очевидно, после 861 г. во имя Св. муч. Климента Римского и его честных мощей между алтарной апсидой базилики и восточной оконечностью южной галереи [Кленина, 2003, с. 23; Домбровский, 2004, с. 24 - 25]⁵. Эти мощи, перенесенные сюда стараниями херсонских духовных и светских властей, архиепископа Георгия, стратига Никифора, имперского посланца Константина Философа, поначалу находились в здешней мартрии в богато украшенном деревянном реликварии [Яшаева, 2011, с. 55], а затем, возможно, в напольном мраморном саркофаге константинопольского типа. Последний действи-

Судя по материалам, он тоже относился к ранневизантийскому периоду [см.: Извлечение, 1904, с.8, №1283].

⁴ Это тем более вероятно, учитывая, что напольная мозаика Уваровской базилики после ее доставки в Эрмитаж оказалась частично перекомпанована и точно место нахождения мозаичной надписи - эпитафии неизвестно: она вполне могла находиться где-то поблизости от мартрия со склепом.

⁵ Под кирпичным полом "капеллы"-мартрия была вырубная могила, находились остатки костяка, в том числе куски женского черепа; судя по находкам в верхнем слое белоглиняной керамики с пятнистой зеленой поливкой и монеты Романа I, перedelка церкви с южной стороны алтарной апсиды базилики последовала не ранее середины X в., когда ее вымостили новым полом из плинфы, устроили престол на четырех ножках и заложили прежний вход, связывавший с более ранним мартрием в южной галерее.

тельно мог быть изготовлен не ранее второй половины X в., но до похода князя Владимира на Херсона в 988 г., после чего вместе с частью мощей Св. Климента был вывезен Владимиром в Киев, где со временем послужил гробницей для князя Ярослава Мудрого. Такая реконструкция событий вполне увязывается с известным дискутируемым предположением В.Г. Пуцко и мотивы декора саркофага, художественные приемы его исполнения, датированные некоторыми исследователями приблизительно временем конца X в., не противоречат этому предположению [Пуцко, 1986, с. 301 сл.]⁶.

Вместе со склепом - кимитирием и небольшим помещением для агап, где на крупные церковные праздники, к примеру, на Троицу, некоторое время, по крайней мере, до конца VII в., могли устраивать "трапезы любви", гробничная постройка в торце галереи Уваровской базилики была, очевидно, памятным местом и совмещала мемориальные функции с церковными, поминальными и, возможно, с каждодневно отправляемой литургией Евхаристии, для чего служила восточная апсида⁷. В свою очередь это двухкамерное помещение было включено в более обширное культовое сооружение - базиликальный комплекс, который, таким образом, имел два мартрия - ранний, во имя неизвестных святых, возможно, местночтимых мучеников, и поздний, во имя Св. Климента Римского, что вполне соответствовало высокому рангу главного епископального кафелика города.

Другим высокочтимым мартрием могла служить небольшая одноапсидная церковь, сооруженная рядом с главной продольной улицей в III квартале. Есть основания связывать ее с почитанием Св. муч. Василея, легендарного первого епископа Херсонеса, небесного покровителя города [Сорочан, 2008, с. 344-351]. Сооруженный к концу VI в., храм имел подземный нижний ярус в виде трехконхиального помещения с крошечной апсидой. Вниз попадали по высеченной в камне лестнице шириной 0,75 - 0,82 м., не менее чем из 12 ступеней (ныне их осталось семь, каждая высотой 0,20 - 0,28 м). На расстоянии около 4 м от пола она обрывается. Возможно, здесь следовал переход в деревянную лестницу, которую подпирали сложенный из камней массивный столб с прямоугольным основанием (предположение Э.К. Гриневича, поддержанное А.Л. Якобсоном), либо спуск продолжался с площадки по лестнице с перилами, шедшей вдоль северной стены, и по другим ступе-

⁶ Возражения см.: [Архипова, 2011, с. 7]. Следует учесть, что при переносе мощей Св. Климента Римского в 861 г. фигурировала рака, которую архиепископ Георгий при вносе мощей на корабль нес на голове. Следовательно, не было необходимости тащить через вес город многотонный саркофаг, как указывает Е. И. Архипова, к тому же этот саркофаг еще не существовал. До его изготовления, около ста лет мощи могли покоиться в богато украшенной деревянной раке в приделе (пареклессии) храма Свв. Апостолов, который стал мартрием Св. Климента.

⁷ В таких постройках можно видеть проявление общего процесса "монументализации" мест погребального или поминального культа [Хрушкова, 2002, с. 74].

ням - на противоположную, южную сторону помещения (реконструкция С.А. Беляева). Расчистка крипты показала, что ее полом являлся мощный слой цемянки, достигавший 0,12 - 0,15 м толщины. В восточной, предапсидной части в нее была вделана известняковая плита 0,82 x 0,70 x 0,15 м, в верхней части которой находилось сферическое углубление (наибольшая глубина – 0,08 м) со сливом из него. Еще один, но более значительный водосборник находился вблизи лестницы и ниши с гробницей, по центру своеобразной прихожей - нартекса. Он имел глубину около 0,60 м и канал, который отводил воду от ниши. Поэтому можно согласиться с С. А. Беляевым, что “это место особенно ценили и почитали, раз его так берегли и сохраняли, не допускали порчи скалы” [Беляев, 1989, с. 44].

Свод крипты был либо сомкнутым, сводчатым, сложенным из плинфы, либо, что проще и более вероятно, перекрыт деревянными балками с положенными на них массивными, толстыми, судя по глубине балок от поверхности, каменными плитами, способными выдерживать большой вес. Подрубы и отверстия для этих балок отчетливо видны по обеим сторонам. Их перемещали не менее двух раз, что говорит о длительности существования сооружения.

Обращает внимание, что из почти двух сотен обнаруженных в крипте монет подавляющее большинство (70%) были византийскими, причем принадлежали денежным выпускам от Василия I до Василия II, после чего монетные находки резко обрываются [Отчет, 1885, с. 20]. Когда бы ни возник храм - мартирий, очевидно, это был последний этап существования гробницы. Золотая пластинка и моливдул начала XI в. с именем царского протоспафария и херсонского стратига Георгия Цулы (Tzoul) указывают на высокий ранг немногих, вероятно, избранных погребенных здесь лиц⁸. Мартиральная церковь и ее крипта была украшена белым и даже черным мрамором, судя по его обломкам, в том числе колонн небольшого диаметра, но едва ли могла быть украшена мозаикой, как полагал С.А. Беляев: первые раскопки не отметили находок смальты, которые в этом случае должны были бы быть многочисленными. Не исключено, что именно к ее интерьеру относились обнаруженные в 1988 г. во время раскопок квартала три обломка мраморной плитки с изображением виноградного куста, выполненного в ранневизантийской технике “выемчатого” фона, подобные тем, что встречались при раскопках “храма с ковчегом” (№19) на месте античного театра и загородного Влахернского монастыря Пресвятой Богородицы Девы Марии [Византийский Херсон, 1991, с. 25, № 9]. Мартирий имел каменную ограду - перивол и выход на главную улицу, а рядом с апсидой хра-

ма, к югу, внутри перивола, была устроена вырубленная в скале могила. Ее близость к святыне и вместе с тем одиночность говорит о почетности, избранности места упокоения, которое не успело превратиться в обычный, рядовой кимитирий - усыпальницу с многочисленными многоярусными погребениями, как это было в позднесредневековых херсонских квартальных церквях и молельнях. Скорее всего, могила была предназначена для кого-то из ктиторов или лиц, оказавших храму особые услуги, поскольку, согласно православной канонической традиции (в частности, 173 правилу Номоканона и его толкованию Феодором Вальсамоном), “в тех церквях, в которых положено сокровище мученических мощей и которые запечатлены печатью помазания святым миром, не должно погребать какие-либо человеческие группы” [Сазанов, 2001, с. 38-39]. Непредосудительным это считалось делать только для захоронения священнослужителей. Уже исходя только из этих обстоятельств, внутренности храма с криптой не могли представлять собой “мавзолей”, принадлежавший “какому-то знатному роду”, или “семейную усыпальницу знатного херсонца” [Якобсон, 1950, с. 74; Якобсон, 1973, с. 20; Могаричев, 1997, с. 96; Могаричев, 1999, с. 229 - 238].

Причины заброшенности памятника, того обстоятельства, что он оказался засыпан, завален камнями, могут быть связаны с катастрофой, скорее всего, сильнейшим землетрясением, постигшим Херсон, очевидно, на рубеже X-XI вв. Следы разрушений особенно отчетливо фиксируются в северных кварталах городища, где их долгое время связывали, да и сейчас еще связывают с последствиями Корсунского похода князя Владимира. Большинство херсонских храмов пережили после этого перестройки, а некоторые, как Западная базилика, остались в руинах. К их числу относится и ранняя гробничная церковь с криптой в квартале III, где со временем был возведен с десяток позднесредневековых усадеб и новый, поздний одноапсидный храм с кладкой из бутового камня на земляном растворе⁹. Восстановление разрушенных районов города длилось долго, при их застройке в XI - XII вв. планировку производили заново, на месте части прежних зданий, погребенных под глубокой насыпью, появились новые улицы, переулки, но показательно, что из числа изначальных реликвий забылись те некоторые, что были связаны с именем первого епископа города. На облик “пещерного” сооружения, пережившего, видимо, два этапа, а точнее, две эпохи существования, окончательно легла печать запустения. Если над ним и была выстроена новая церковь, она была связана с заваленной криптой-мартирием только символически.

⁸ Первое прочтение печати было сделано с ошибками [Юревич, 1889, 65]. Имя Георгия Цулы, императорского спафария, а затем протоспафария и стратига Херсона, императорского протоспафария Боспора, ныне хорошо известно из сфрагистических и нарративных источников XI в. [см.: Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, 319 – 320].

⁹ Тогда же прекратила свое существование располагавшаяся в центре этого квартала раннесредневековая баня [подр. см.: Якобсон, 1950, с. 65 – 87]. Поэтому С. А. Беляев ошибается, когда пишет, что памятник не перестраивался и продолжал функционировать до самого конца жизни города, вплоть до XIII - XIV вв. [Беляев, 1989, с. 53 – 54]. В это время на территории квартала III существовали только комплексы поздневизантийских жилых усадеб, которым было суждено погибнуть в XIII в. в пожаре.

И так, если предлагаемые реконструкции верны, перед нами выстраивается причудливый “хронотоп” загадочного места, расположенного в центральной части города, рядом с главной продольной улицей и большой агорой. Возникнув как языческий храм с подземной частью, особым устройством, он был посвящен почитанию некоего женского божества с хтоническим значением (нимфы, Херсонас, Персефоны, Артемиды, Гекаты?), что отразилось в древнем названии Парфенон. Пережив первые века н.э., святилище оказалось к IV в. заброшено, превращено в “пещеру” и лишь в памяти херсонеситов по традиции сохранялось ее прежнее название. В V - VI вв. здесь, в углу III квартала города, находился хозяйственный комплекс, связанный с виноградарством и виноделием, возможно, усадьба. После прекращения их существования, “пещера” была заново открыта в ходе начатых херсонитами интенсивных поисков своих христианских реликвий. Запечатленная в сочинении местного агнографа, она стала предметом особого почитания, была связана с легендарным именем и деяниями первого епископа Херсона, небесного патрона города – мученика Василия. Во второй половине VI - первой половине VII вв., в период наиболее масштабного строительства, своеобразного “строительного бума” в городе, подземное помещение было переоборудовано в богато убранную мрамором тетраконхальную крипту с пещерообразной гробницей в южной стене, а над ней выстроена небольшая прямоугольная, одноапсидная гробничная мартриальная церковь или молельня. В целом, весь комплекс, который можно трактовать как византийский двухтипный мартирий, был обнесен каменной оградой, сообщавшейся через ворота с главной улицей. Гробницы при нем служили местом упокоения немногих, избранных херсонитов, очевидно, из числа высшего клира, “первых монахов” и городской знати, включая некоторых стратигов. В таком виде памятник просуществовал до рубежа X-XI вв., пережив позже еще один строительный период, в ходе которого первоначальная меньшая наземная молельня или, точнее, то что от нее осталось, было разобрано и заменено на несколько большую одноапсидную церковь. Но сама крипта после разрушения, вероятно, вследствие сильного землетрясения, не была восстановлена горожанами, которые со временем, к концу XI - XII вв., застроили квартал позднесредневековыми жилыми усадьбами. Наряду с некоторыми другими святынями, связанными с именем Св. Василия, забылась и эта.

С именем этого Св. мученика связан еще один ярко выраженный мартирий, который входил в монастырский архитектурный комплекс на северо-западной оконечности города. По сведениям херсонской агнографии IX-X вв., он известен как “дом Святого Леонтия”, который, очевидно, был женской обителью и располагал монастырским носокомионом, находившимся под небесным покровительством Св. мученика, врача-безсеребренника Леонтия Киликийского [Сорочан, 2003, с. 146 - 173].

Очевидно, главной святыней, с которой началось

сооружение базиликального комплекса, известного из нарративных источников как “дом Святого Леонтия”, стало открытие особо почитаемой реликвии, - места упокоения одного из раннехристианских мучеников. В подобной реликвии можно видеть именно могилу мученически умершего Василия, выброшенного после смерти из “Иера” (Святых) или, по старославянской версии, “Красных” (Прекрасных) ворот, очевидно, Западных больших ворот в конце I продольной улицы, и “из страха перед множеством эллинов” похороненного немногочисленными верными, согласно разным версиям свидетельств херсонского агнографа, “...вне города, на западе, близ стены”, “...вне стены, на запад града близ той стены”, то есть в ближайшем соседстве с западной древней оборонительной стеной города [Латышев, 1906, с. 9, 56; Житие св. епископов, 2005, с. 1275, гл.2; Житие и страсть, 1911, с. 161; Месяца марта, 1911, с. 166; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с. 648]. Указание на редкость точное и определенное. Расстояние в 200 м вдоль линии античной оборонительной стены к северо-западу от Западных больших ворот - Священных ворот вполне подходило такому описанию. Крайняя поперечная улица, даже если она унаследовала от типовой гипподамовой планировки, принятой в городе, характер одной из главных улиц, не подходит в качестве описания места, по которому могли бы тащить избиваемого Василия, поскольку идет параллельно западной оборонительной стене и к тому же, что важно подчеркнуть, на расстоянии, которое превосходит расстояние от Западных больших ворот до начала ограды у берега моря.

В связи с античной западной стеной, отчасти включенной в план своеобразной северо-западной херсонской “цитадели”, особый интерес вызывает еще одна церковь и одновременно усыпальница (№12 по списку имп. Археологической комиссии, она же - “часовня Г”), длиной 6,4 и шириной 4,6 м, которая располагалась как раз в углу, образуемом древней западной и приморской береговой оборонительными стенами, на расстоянии 4 м от апсиды мемориальной крещальни (“часовни Б”) Западной базилики (№13) и в 5 м против античной оборонительной стены. Не случайно над расположенным здесь подземным склепом с учетом именно его ориентации было построено сакральное поминальное сооружение с престолом, как это обычно и повсеместно делалось в Византии над местами почитания святых и мучеников, и, значит, оно могло быть не просто церковью обычного, регулярного культа или молитвенным домом (eukterios oikos, eukterion), как называли такие постройки ромеи, но и мартирием с бывшим подземным ипогеем, приспособленным под крипту [Уваров, 1908, с. 119]¹⁰. Подобные мартриальные церкви или молельни обычно находи-

¹⁰ Вообще, как показывает изучение агнографии, византийцы, в отличие от современных историков архитектуры и строительного дела, не соблюдали строгую терминологию в отношении культовых сооружений и подчас обозначали храм сразу несколькими словами - синонимами (екклисия, евктирия, наос, мартирий, севасмос икос - “честный дом” и др.) [ср.: Афиногенов, 2003, 5].

лись под опекой диаконов [Бологов, 1913, с. 201].

Гробничное сооружение несомненно имело прямое отношение к коллективному некрополю первых веков н.э., находившемуся здесь до строительства новой линии раннесредневековой западной оборонительной стены. Отдельные склепы этого участка кладбища, оказавшиеся на территории “цитадели”, до V в. включительно, а, возможно, и до VI в. продолжали использовать под захоронения, как это особенно отчетливо видно на примере нескольких детских погребений в нижних частях амфор с “перехватом”, типа “carotte” или с рифлением типа набегающей волны, уложенных в дромосе склепа 1960 г. к северу от Западной базилики [Суров, 1961, с. 91- 94, рис.17]¹¹.

В отличие от алтаря Западной базилики, отклоняющегося от востока к северу лишь на 5°, алтарь этой поминальной гробничной церкви имеет отклонение на 30°, что объясняется не прекращением существования храма и его давним забвением ко времени строительства более позднего крестовидного кимитория (“Д”) рядом с большой базиликой, как полагал К.К. Косцюшко-Валюжинич, а изначальной увязкой строительства этого мартырии около западной античной оборонительной стены с ориентацией квадратного в плане ипогея (2,25 x 2,25 м, высота 1,7 м), который оказался под поминальным храмом. Как заметил Е. Г. Суров, склеп занимает особое место и резко отличается от других склепов этого района по своему устройству¹². Более того, по приемам кладки, раствору, особой плинфовой конструкции кладки свода, даже форме плинфы он имеет в Херсоне единственную известную аналогию, на которую в свое время обратил внимание О.И. Домбровский: это склеп в 30 м от колодца агисмы загородного Южного крестовидного храма Богородицы Влахернской VI - VII вв., возле дороги, где, согласно агиографии, тоже находились погребения “в святом могильнике” (in tumulis sanctorum)¹³.

Арочный вход в камеру указанного подземного ипогея с дромосом 1,8 м длиной и 0,85 м шириной был вырублен до свода в скале, а сама камера сверху, с высоты 0,9 м от пола, фигурно доложена превосходным полукруглым сводом из светло-желтой, сравнительно тонкой плинфы, скрепленной розоватой цемянкой с прослойками раствора той же толщины, что и плинфа¹⁴.

¹¹ Исследователь ориентировочно относил склеп к IV в.); о типах амфор и их датировке см.: [Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, 16 - 20, табл. 2 - 4].

¹² Суров, 1965, 128.

¹³ Домбровский, 1993, 307, прим.

¹⁴ Размеры плинфы: 27 (28) x 27 (28) x 2,5 (3) см. (ср.: Борисова, 1966, 49). Аналогичное качество, цвет и размеры имел кирпич римского типа с именами святых из Марцианополя, который датируют концом IV - V вв. (Минчев, 2011, 21). Обмеры склепа, который находится в аварийном состоянии, с обрушенным на треть плинфовым сводом, были выполнены во время натурных работ С.Б. Сорочана в июле 2002 г. В июле 2005 г. склеп был подвергнут консервации силами Харьковской археологической экспедиции “Цитадель” Харьковского национального

Взаимно замыкающие наклонные кирпичи последовательно опирались друг на друга рядами, шедшими с четырех сторон, так что, скорее всего, для возведения такого небольшого свода опалубка была не нужна. Он строился по восточному методу – скатом, от стенок¹⁵. Это высокопрофессиональная работа, требующая большого опыта на ответственных стройках. К примеру, такая кладка, судя по раскопкам, была широко в ходу при строительстве комплексов Большого императорского дворца в Константинополе эпохи Юстиниана I. Точные аналоги ее обнаруживают и некоторые константинопольские подземные цистерны для воды, выстроенные в VI в., как, например, известная цистерна Йерибатан-Сарай (“Подземный дворец”)¹⁶, что может служить косвенным подтверждением времени перестройки херсонского склепа, близким к V-VI вв.

Не исключено, что в переделку попал семейный склеп-ипогей, который поначалу имел цельный коробчатый каменный свод, то есть, как и подавляющее большинство из более чем четырех сотен аналогичных, типовых сооружений херсонесского некрополя первых веков н.э., был вырублен в скале, и лишь затем переделан. Но уже сама крайняя редкость конструкции погребальной камеры подчеркивала уникальность, особенность склепа, для которого ее выбрали.

Дело в том, что в стенах склепа не было локул. Зато против входа в глубине находилась низкая, высотой не более 0,4 м лежанка для покойника необычно большой, как бы двойной ширины в 1,25 м, но кроме человеческих костей в склепе, судя по отчету о раскопках, была найдена только “костяная точеная застежка”. К. К. Косцюшко-Валюжинич, открывший необычный памятник, посчитал необходимым отметить, что свод усыпальницы весьма искусно, красивыми рядами выведен из кирпичей, уложенных радиально и углами, особой, еще не встречавшейся в Херсоне кладкой, заключающейся в том, что кирпичи поставлены ребром вниз, так, что “образуют купол, по середине которого кладка оканчивается одним кирпичом”, а сам склеп напоминает “цветущую эпоху византийского зодчества, относится к древнейшим памятникам христианства в Херсонесе”¹⁷.

С этим выводом был согласен Л. В. Фирсов, обращавший внимание также на три проема, а точнее, ниши в полукруглой алтарной апсиде надгробной церкви, судя по описанию М. И. Скубетова на его чертеже 1903 г., как бы имитирующие три конхи, что опять-таки было свойственно конструкции мартыриев¹⁸. Такие симметрично расположенные ниши в апсидальной части служили для хранения святых мощей¹⁹. По поводу этой апсиды Д. В. Айналов

университета имени В. Н. Каразина ввиду того, что памятник находился в состоянии перманентного разрушения и был завален мусором (Сорочан, Крупа, 2006, 329-334).

¹⁵ См.: Райс, 2003, 86.

¹⁶ Райс, 2003, 193, рис.7.

¹⁷ Отчет за 1901 год, 13 - 14; Таврическая губерния, 1893, 13.

¹⁸ Фирсов, 1973, 21 - 22.

¹⁹ Подр. см.: Енчев, 2005, 63 - 67, фиг.1 - 4.

отмечал, что хрупкая кладка ее стены значительно уже фундаментальных, сложенных на известково-цемянковом растворе стен самого храма, с которым у нее нет связей, отчего она кажется приделанной позже, опять-таки в ходе последующей перестройки здания²⁰.

В целом, сооружение отчетливо вписывается в выделенную А. Грабарем группу ранневизантийских мартириев простой структуры с апсидой, которые ведут свое происхождение от античных мавзолеев и имеют сиропалестинские архитектурные параллели. Следует еще раз подчеркнуть, что подземный ипогей имел не нишеобразную локулу или локулы, как это было принято, а низкий широкий лежак, что является редкостью и напоминает знаменитые древнееврейские гробницы Иерусалима или, более того, крипту самого “Гроба Господня”, которая, по сути дела, тоже представляет собой камеру с единственным «ложем» [Никитенко, 2005, с. 188]²¹. Учитывая то, кому херсониты адресовали сооружение, едва ли такая навязчивая параллель возникла случайно, и еще раз косвенно указывает, кто играл ведущую роль святого патрона сообщества херсонитов.

В 1891 г. при раскопках гробничной церкви над ранневизантийским ипогеем в мощеной каменными плитами алтарной части на месте оказалось плоское квадратное углубление для основания престола и алтарная преграда из каменных плит высотой 0,78 м с мраморным порогом, в остальной части был обнаружен “мозаичный пол очень красивого и, по мнению А.Л. Бертье-Делагарда, древнейшего рисунка”, а в 1901 г. – скульптурный символ Св. Духа – небольшой голубь из инкерманского камня с круглым отверстием вместо ног для укрепления на стержне [Таврическая губерния, 1893, с. 13; Косцюшко-Валюжинич, 1902, с. 66 - 67, 70; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с. 647-648]. Именно техника и рисунок мозаики позволили заведующему раскопками отметить, что “это один из ранних храмов”, но важная оговорка о ее сходстве с рисунком мозаики в Уваровской базилике позволяет относить оформление интерьера поминального храма ко времени не ранее второй половины VI в. [Таврическая губерния, 1893, с. 13]. На это же косвенно указывает отсутствие раннехристианских росписей на стенах переделанного ипогея. Это совпадает с мнением Е. Г. Сурова о существовании склепа под одноапсидным евктирионом между VI-X вв. [Сувор, 1965, с. 128]. А. Л. Якобсон тоже относил возведение этого надгробного храма ко времени не позднее V - начала VI вв. и советовал искать истоки такой строительной традиции в восточногреческой архитектуре II-V вв. [Якобсон, 1959, с. 164 - 165].

Такие небольшие сооружения для трапез любви – агап и поминальных служб в ранневизантийское время нередко строили над гробницами мучеников. При этом

²⁰ Айналов, 1905, 42.

²¹ В византийском Херсоне подобную одиночную лежанку, но гораздо более узкую, имел лишь склеп крипты раннего храма 1902 г. на Девичьей горке, тоже на месте загородного некрополя. В 2006 г. он был расчищен экспедицией НЗХТ во главе с Т. Ю. Яшаевой.

над подземным склепом, могилой, надгробной плитой усопшего помещали алтарный столик с дополнительной столешницей – менсой [Krautheimer, 1960, с. 15 - 40]. Сам обряд поминовения на трапезе, по-видимому, включал омовение, то есть освящение менсы, пение, ритуальные танцы, моления и собственно трапезу, для которой на погребальный столик или надгробную плиту ставили хлеб и рыбу, чаши с вином, а иногда делали возлияния еля и вина прямо в погребение, делясь трапезой с покойным. Во всяком случае, визуальное и по своему устройству это наиболее подходящий объект именно в западной части Херсона для легендарного ипогея, переоборудованного в полускрытую крипту Св. муч. Василия. Он максимально соответствует всем сакральным параметрам и реалиям такого памятника. Следует обратить особое внимание, что расположение самой новопостроенной мартиральной церкви было подчинено задаче сохранить первоначальное место гробницы Св. Василия. Иначе говоря, мощи Св. Василия в буквальном смысле слова явились структурообразующим фактором для соответствующего культового здания, а это здание, со своей стороны, – для самого монастырского комплекса с базиликой №13.

Видеть эту гробницу в крестовидной гробничной молельне (“храме Д”) с могилами и склепом, пристроенной с северо-запада к баптистерию (“часовне Б”) и рассчитанной на множество погребений, как светских (в могилах под полом), так и, видимо, духовных лиц (в подземном склепе с заложенными кирпичом локулами), не приходится по причине наличия в нем именно коллективного кимитирия, что, скорее, соответствовало облику очередного “крытого кладбища”, “коллективного христианского мавзолея” или главной монастырской липсанотеки, нежели мартирия или мемория, одиночной святыни [Сорочан, 2005б, с. 837 - 839, рис. 266; Фомин, 2005, с. 136 - 137; Krautheimer, 1960, р. 15 - 40; Klausner, 1974, р. 221 - 229; Deichmann, 1979, р. 144 - 169]. Уже Феодосий I законом от 30 июля 381 г. запретил хоронить мирян в апостолионах и мартириях [Saxer, 1980, р. 239 - 240], а в нашем случае, судя по инвентарю некоторых могил (стеклянные и бронзовые браслеты, бронзовые серьги-колечки), здесь были именно захоронения светских лиц, и, значит, уже поэтому в случае с крестовидным сооружением “Д” мы имеем дело не с мартирием. Даже склеп под зданием “Д” не может безоговорочно претендовать на роль особой подземной крипты по причине наличия в нем именно коллективных захоронений, выделить среди которых святые мощи, реликвии не представляется возможным.

Действительно, подобные крестовидные постройки как правило относятся к V - VI вв., но одних исторических, архитектурных или типологических сопоставлений на основе формальных признаков недостаточно для датировки [Хрушкова, 2004, с. 182, 183; Хрушкова, 2005, с. 394]. Очевидно, что для верного ответа необходимо учитывать главное – комплексные данные стратиграфии и полевого археологического материала, ибо

другой, более надежной путеводной нити нет. Расчистки 2005 г., связанные с необходимостью консервации склепа под этим крестовидным сооружением, показали, что в северной лопасти креста коллективной гробничной усыпальницы, где под известняковыми плитами пола находились неглубокие могилы, обложенные камнями, оказалась группа керамики с фрагментами кувшинов с плоскими ручками, причем раннего типа, амфор так называемого причерноморского типа с зональным рифлением, что позволяет отнести этот контекст ко второй половине IX в.²² Обнаруженный материал вполне соответствует по времени описанному К.К. Косцюшко-Валюжиничу – стеклянным и бронзовым браслетам, паре простых бронзовых серег-колечек, извлеченных из семи раскопанных здесь погребений под полом и указывающих на погребения мирян [Сорочан, 2005б, с. 839]. Но особо следует отметить еще один факт. Те же расчистки и обмеры остатков крестовидного сооружения, проведенные силами экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, показали, что Д. В. Айналов ошибался, когда записал: “...фундаменты этой крестообразной усыпальницы были уничтожены и теперь не существуют” [Айналов, 1905, с. 34, 37]. На самом деле от крестовидного кимитирия до настоящего времени сохранилась часть кладки северной ветви, которая достигала длины 4,5 м и имела ширину стены 0,8 м, причем была сложена не на земляном растворе, как ошибочно отмечал К.К. Косцюшко-Валюжинич, а на известковом [Сорочан, 2005б, с. 837]. При зачистке стены в ней, вкрапленный в раствор, оказался выразительный фрагмент горла характерной воронковидной амфоры второй четверти VI - первой четверти VII вв. [Фомин, 2005, с. 136, рис.4; ср.: Сазанов, 1991, с. 68 - 69, рис.11]. Такой же керамический материал (венчик амфоры с воронковидным горлом и донце краснолаковой миски LRC form 3) оказался в южной ветви креста. Уже одно это обстоятельство убедительно опровергает версию о возникновении памятника в пределах IV - V вв. и о возможности видеть именно в нем некий “первоверховный” символ святости, связанный с легендарным крестителем херсонеситов - епископом Капитоном или с церковным преданием о месте погребения епископа Василея, наконец, о склепе, где он воскресил ребенка из знатной херсонской семьи и где якобы состоялось крещение самих родителей [Яacobсон, 1959, с. 164]²³. Сле-

²² Определение сделано А. В. Сазановым, ведшим камеральную обработку материалов экспедиции Харьковского университета возглавляемой С. Б. Сорочаном. Расчистка склепа от мусора и его последующая консервация была выполнена вследствие угрожаемого состояния памятника и согласована с руководством реставрационного совета НЗХТ. Сведения об этом включены в полевой отчет экспедиции за 2005 г. Результаты наблюдений, обмеров и чертежной фиксации см.: [Фомин, 2005, с. 134 - 137, рис.1 - 17].

²³ Верно определяя храм как “мавзолей”, исследователь относил его появление, как и базилики № 13, к концу V в. или первой половине VI в. [Кленина, 2003, с. 23; Ранневизантийские..., 2004, с. 42; Klenina, 2006a, с. 117].

дует подчеркнуть, что Е. Ю. Кленина вопреки выводам К.К. Косцюшко-Валюжинича и Д. В. Айналова считает это крестовидное сооружение не коллективным кимитирием, а мартирием, причем самой ранней постройкой второй половины IV - первой половины V вв., предшествовавшей западному базиликальному комплексу. Этого же вывода стала придерживаться Л. Г. Хрушкова, считающая, что “мартириальный комплекс” из крестовидного “мартирия” и крещальни (“часовни Б”), названной исследовательницей “капеллой с широкой апсидой”, возник “на протяжении IV в.”, “во второй половине или в конце IV в.”, причем якобы был связан с именем епископа Капитона [Хрушкова, 2007, с. 54-55; Khrushkova, 2008]. Более того, она соотносит во времени возникновение этого памятника и гробничной церкви со склепом с плинфовым сводом, замечая лишь, что крестовидное сооружение, которое однозначно именуется ею мартирием, могло быть “позже” церкви со склепом. В. М. Зубарь более осторожно полагал, что есть вероятность отнести строительство крестовидного сооружения “Д” (он тоже считал его храмом-мартирием) ко времени, которое предшествовало возведению баптистерия (“часовни Б”) и Западной базилики №13, а склеп с коллективными захоронениями под западной ветвью “мартирия” связывал с местом, где, согласно агиографической традиции, Св. Василей совершил чудо Воскресения умершего отрока [Зубар, 2006, с. 34 - 38]. Впрочем, и в данном случае даже наименование памятника “мартирием” не имеет под собой надежных оснований по той причине, что мы не имеем дело с сооружением, возведенным для почитания мученика, его святых мощей. Корректнее было бы применить исследовательский термин “меморий”, однако был ли этот коллективный кимитирий, своеобразное “крытое кладбище”, связан с воспоминаниями о некоем Божественном чуде, проявленном на этом месте, установить невозможно. Во всяком случае, ориентиры, приведенные в тексте Житий, на это не указывают. Ясно лишь, что сооружение “Д” не было рассчитано на отправление Божественной литургии, церковных служб хотя бы в дни памяти мученика, поскольку не имело соответствующих литургических устройств. Тем не менее мнение В. М. Зубаря, хотя и без ссылок на него, разделяет А. Ю. Виноградов, тоже увязывающий крестовидное сооружение “Д” с местом погребения Василея или со склепом-меморием, где случилось чудо с отроком, отчего строительство примыкающего к нему баптистерия при базилике №13 объясняется необходимостью сохранить память о месте, где приняли крещение родственники воскрешенного отрока. И это при том, что херсонские агиографические источники не содержат даже намека на крещение легендарных родственников прямо рядом с могилой их воскрешенного чада. Интерпретация, датировка памятника, таким образом, входят в зависимость от воображения исследователей, а не от имеющихся непреложных фактов.

Зато к кругу мартириальных памятников могут быть отнесены те храмы Херсона, которые имели трехле-

пестковую апсиду. Если исходить из этого критерия, сооружениями, связанными с мартиральным культом, являлись базилика Крузе (№7), возведенная в восточной оконечности города около середины VI в. [Сорочан, 2011, с. 65-72], и упомянутый выше небольшой базиликальный храм "А", открытый в 1904 г., который может быть идентифицирован с известным из агиографии храмом Св. Прокопия, вероятно, входившим в епископальный архитектурный комплекс на северном берегу городища.

Теофаническим мемориумом [Grabar, 1946, chap. III] могло быть необычно крупное для таких сооружений, высокое купольное тетраконхальное центрическое сооружение (№47) диаметром около 20 м (21 м x 21 м), без алтаря и престола, с семью дверьми, ведущими со всех четырех сторон, которое херсониты соорудили примерно в третьей четверти VI в., во всяком случае, несомненно в период «строительного бума» второй половины VI – первой половины VII вв., на предварительно выровненном, неудобном для строительства косогоре в самой высокой точке западной оконечности города (29 м над уровнем моря), около главной продольной улицы и вблизи Западных ворот, известных из Житий свв. епископов Херсонских как Святые или Красивые. Уже одно количество дверей говорит о ранней поре «канонического», «имперского» византийского церковного обряда, рассчитанной на массовые богослужебные процессии, стациональные литургии и на придание церковному зданию символического значения, то есть на возникновение синтеза литургии и мистагии, начавшегося с эпохи Юстиниана I (527 - 565 гг.) [Тафт, 2000, с. 32 - 48]. Поскольку под мозаичным полом центра здания находились остатки известеобжигательной печи, К. Э. Гриневичем первым было высказано предположение, что она служила здешней святыней и тетраконх был воздвигнут в столь неудобном месте в память о чуде, которому в IV в. сподобился присланный из Константинополя в Херсон крестить его жителей епископ Капитон: войдя в раскаленную известеобжигательную печь он вышел из нее невредимым, заставив херсонитов уверовать в силу Бога [Гриневич, 1955, с. 129-134; Кутайсов, 1982, с. 155-169; Завадская, 1998, с. 339 - 340; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с. 666-669; Завадская, 2000, с. 83; Романчук, 2000, с. 70; Завадская, 2001, с. 271 - 272; Сазанов, 2004, с. 206; Сорочан, 2011а, с. 472-478]. Единственным сомнением в возможность такой интерпретации этого несомненно очень важного для херсонитов сакрального памятника, просуществовавшего с незначительными перестройками по меньшей мере до конца IX в., является то обстоятельство, что остатки печи датируются в пределах конца IV- начала VI вв., то есть близки по времени строительству тетраконха, и ее оставили под полом, а не оформили как наземную святыню внутри мемориума²⁴. Но при этом надо учесть,

что для создававших памятник важны были не исторические реалии, а зримая увязка его с текстом житийной легенды, появившейся в городе ко второй половине VI в. и становившейся все более востребованной далее, о чем говорит количество ее списков [Сорочан, 2005в, с. 270 - 275; ср.: Могаричев, 2011, с. 21-22]. При поисках таких святынь ориентировались на туманные предания о том, что происшедшее было в некоей печи «где-то на этом месте». Главное, чтобы это были следы некогда реально существовавшего объекта, который охотно превращали в сакральный памятник, руководствуясь единственным критерием – правдоподобностью таких реалий и горячей верой. Это также очевидно, как и то, что ни один конфессионально незашоренный современный исследователь не станет искать подлинного места чуда и проверять, было ли оно в действительности.

Другие контраргументы не согласных с отнесением тетраконха №47 к кругу мартиральных памятников тоже не убеждают. Отсутствие евлогий во время раскопок, как и в этом месте, демонстрируют подавляющее большинство прочие херсонские сооружения, которые можно отнести к этому кругу. Археологический контекст не зафиксировал следов паломничества к большинству херсонских храмов. Таких материалов не густо для всех византийских центров малого паломничества. Мы вообще не имеем ни одного евлогия, связанного собственно с первыми епископами-мучениками Херсонеса-Херсона и, если бы не их Жития, дошедшие на греческом, грузинском, армянском, старославянском языках, говорить о почитании паломниками этих святых и связанных с ними памятников было бы невозможно. Тем не менее это непреложный факт, убедительно демонстрируемый нарративом, местной агиографией, эпиграфикой, - теми самыми источниками, которые сохранили сведения о почитании большого кафликона, посвященного Свв. Апостолам Петру и Павлу, храмов, освященных во имя Св. Петра, Св. Лупа, Св. Фоку, Св. Феодора, Св. Леонтия, Св. Прокопия, Богородицы Влахернской, то есть восьми из более чем сорока открытых в ходе археологических исследований раннесредневековых сакральных памятников города. Следовательно, далеко не все херсонские святыни удастаивались упоминания в источниках, что и следовало ожидать. К примеру, один из самых ранних и прославленных храмов города – Апостола Петра присутствует в Житиях епископов Херсонских, но не упомянут в нарративе IX в., хотя продолжал существовать и в это время (Восточная базилика №36). Местная агиография заносила далеко не все сведения даже о самых крупных постройках такого рода. К примеру, Жития епископов Херсонских не отразили сведения о главном кафоликоне города - Большой базилике на северном берегу, упоминаемую в источниках IX в.

Остатки печи находились на глубине 0,9 м почти под центром сооружения, его куполом. Смещение от центра крайне незначительно, чтобы принимать его во внимание для закрытого обзора памятника. Ее засыпали не «чистым мусором», а самой обычной зем-

²⁴ Аргументацию А. В. Сазанова по этому вопросу подр. см.: [Могаричев, Сазанов, Сргсян, Шапошников, 2012, с. 203-312].

лей с фрагментами керамики, мелких камней, створок устриц, - той землей, которой выравнивали насыпь под строительство. Эти плохо сохранившиеся остатки (выруб в скале и несколько рядов камней) по времени отстояли от строительства тетраконха примерно на столет и вполне могли стать для разыскавших их священным ориентиром, который они отметили напольной мозаикой с изображением именно над местом печи орла – символа высоты епископского служения, того служения, которому, по преданию, предавался в Херсоне легендарный Капитон. Тетраконхи действительно сооружались с разными целями и далеко не всегда они являлись так сказать «чистыми» мартириями, могли совмещать функции кафоликона [Kleinbauer, 1973, с. 277-293; Казарян, 2004, с. 277-303], но в нашем поражает количество дверей, ведущих со всех сторон, к центру, к святыне, и явное отсутствие признаков алтаря, стационарного престола, алтарной преграды. Такое поначалу было в крестовидном храме почти аналогичных с тетраконхом размеров, воздвигнутом в близкое время на кладбище около Карантинной бухты. Его центральная часть пола тоже была занята мозаикой с чашей Евхаристии и павлинами - символами вечной жизни, под которой были обнаружены в ходе раскопок следы гробничного храма не ранее середины V в., явно послужившего святыней для последующей постройки во второй половине VI в. Позднее здесь соорудили алтарь и синтрон в восточной апсиде, чего не сделали в тетраконхе №47. Необходимость строительства такого объекта вдалеке от основной массы прочих храмов города, в столь невыгодном месте, где в первые века находилась огромная водосборная цистерна, да еще на покато падающем склоне, удобном для устройства известковых печей, но совсем неудобном для строительства высокого, крупного купольного здания, по размеру примерно в два раза превышавшего большинство известных ранневизантийских тетраконхов, вполне логично объяснить стремлением привязать его к легендарному месту, связанному с преданием о важнейшем, крупном событии в церковной истории города - окончательном крещении херсонеситов и их официально признанной победой над идоломанией и силами зла. В противном случае, слишком многое приходится объяснять случайностью и даже неразумием строителей. Примечательно также отсутствие рядом с этим сооружением и в нем самого могил, погребений, что тоже указывает на его уникальность. Само забвение памятника уже к X в. вполне совпадает с отказом к этому времени от массовых богослужебных процессий, а именно на такие шествия и был рассчитан, судя по его планировке и количеству дверей, тетраконх №47.

Таким образом, вывод А.В. Сазанова об отсутствии какой бы то ни было связи четырехапсидного храма с херсонесской легендой о месте свершения чуда Св. Капитоном представляется не столь уж очевидным. Оснований для предположения о том, что это было мемориальное сооружение, достаточно.

Остальные аналогичные сакаральные памятники Херсона обнаружены за пределами города, но в пределах нескольких сот метров от него. К таковым относится “весьма ценный” (*pretiosissimo*), “великолепно (величественно) украшенный (убранный)” (*magnifico decore ornato*) крестовидный храм загородного монастыря Богородицы Влахерской на кладбище - “в святом могильнике” (*in tumulis sanctotum, inter tumulos sanctorum; en sorois agion*) около Карантинной бухты [Commemoratio..., 1764, p. 861; Anastasii..., 1853, p. 686 C; Istorija syntomos..., 1917, p. 16. 16 - 23, sec.5; Айналов, 1916, с. 17; Vasiliev, 1936, p. 78]. Как уже было сказано, он был воздвигнут во второй половине VI в. на месте более раннего, небольшого адноапсидного однефного храма, в свою очередь сооруженного не ранее второй половины V в. Под храмом на глубине около трех метров находилась горизонтальная галерея-штольня протяженностью около 45 м, в которой располагалась агиасма, и цеп связанных между собой подземных склепов [Веймарн, 1977, с. 12 - 13; Сорочан, 2004, с. 211 - 232; Сорочан, 2007, с. 158-168; Сорочан, 2009, с. 168 - 178]. Еще одна подземная агиасма рядом с монастырем была связана вырубной лестницей с колодезем - фиалом на дне. Очень похожее по конструкции сооружение с двухмаршевым ходом известно в ранневизантийской крепости Св. Кирила около с. Голеш в 42 км от Силистры (Дуросторума), где оно тоже входило в один комплекс с однопасидной трехнефной базиликой с криптой-мощехранительницей и мартирием с аркосолием, которые датируются VI в. [Atanassov, 2006, p. 201-228, fig.5]. Собственно мартирием при херсонском храме могли служить три соединенные проходами стандартных подземных склепа с локулами (№1409 - 1411) под западной и центральной частью крестовидного здания, вход в которые был пробит снаружи, с северо-западной стороны, и еще одна обособленная усыпальница (№1406) старательной работы в плане удлиненной трапеции с лежанками в двух продольных стенах, арковидной нишей в задней стене, с арковидным входом и полукруглым потолком, вырубленная во время или, как считал К.К. Косцюшко-Валюжинич, после строительства храма под его правой (южной) ветвью [Извлечение, 1904, с. 19 - 20, табл. I; Отчет за 1906 год, с. 8; Косцюшко-Валюжинич, 1909, с. 69; №1406; ср.: Яковсон, 1959, с. 252, 261]. В этом случае ее связь с устроенным над ней баптистерием едва ли случайна. Сирийская традиция, то и дело обнаруживаемая в элементах устройства Южного загородного храма, знала обычай сохранения чтимых мощей в пастофории, а купель крещальни символически была связана с идеей жизни и смерти [Descouedres, 1983; Хрушкова, 2002, с. 400]. Впрочем, наличие склепов под храмом не может служить надежным указанием на наличие именно здесь мартирия, поскольку присутствие в церквях привилегированных, чтимых захоронений, явно делаемых с разрешения епископа, еще не основание считать их собственно мартирием [Sodini, 1986, с. 233 - 239], который тем не менее где-то поблизости обязательно был. Известно, что для культа мучеников служили и отдельные помещения

или постройки при византийских церквях [Lassus, 1944 (1947), с. 182, 216, 306 - 307]²⁵. В любом случае показательно, что на месте небольшого, видимо, однефного сооружения возник один из самых крупных в Херсоне крестовидный храм – сооружение, судя по плану, чисто мемориальное, причем публичного характера, связанное с паломничеством [Lassus, 1944 (1947), р. 126]. Действительно, невозможно не заметить, что херсониты были предельно настойчивы и последовательны в своем желании почитать находившиеся здесь реликвии, собираться для помианальных обрядов, а в простанстве, освященном “святыми могилами”, умножались захоронения верующих, причем особо почитаемые, привилегированные.

Не исключено, что к числу мартириев относились и некоторые здешние склепы с христианскими росписями, хотя они и были лишены наземных построек. Так, склеп №1214 имел обособленную нишу в правой стене, украшенную изображением лаврового венка (“венца мученика”), которая была углублена по типу саркофага, а захоронение закрыто плитами с изображением деревьев “райского сада” [Фомин, 2011, с. 43].

Местная агиографическая традиция устойчиво связывала этот район загородного кладбища с местом, где были погребены трое из первых семи свв. епископов Херсонских - Евгений, Агафодор и Елпидий, которых неверные “выбросили безжалостно из города” и бросили на восточной стороне [Фомин, 2011, с. 43]. К этой восточной стороне относится еще один сакральный архитектурный комплекс, раскопанный в 1902 г. в 200 м к югу от башни Зинова, на восточной оконечности 30-метровой Девичьей горки, слева от дороги, ведущей в Херсон. Здесь были доследованы остатки одноапсидного и однефного храма с притвором (12,25 x 5,75 м), скорее всего, ранневизантийского времени, позже, в XII - XIII вв., переделанного в малый одноапсидный храм, устроенный на месте первого и напоминающий кварталные гробничные церкви или молельни позднего Херсона [Отчет за 1902 год, с. 27; Извлечение, 1904, с. 15 - 17, рис. 9]²⁶. Возможно, он тоже имел отношение

²⁵ Такая классическая постройка, связанная с почитанием гробницы Херсонского епископа Василия (Василея), прослеживается в нескольких метрах от северо-восточной оконечности Западной базилики №13 в виде так называемой “часовни Г” (№12) [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с. 177 – 179]. Подобный мартирий имела и восточная оконечность южной “галереи” при Уваровской базилике, где находился вырубной склеп с отверстием в своде для агап [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с. 131 – 132].

²⁶ Руководитель раскопок назвал размеры храма 12,5 x 5,5 м; [Косцюшко-Валюжинич, 1906, с. 112; Айналов, 1905, с. 119 - 121, рис.84 – 85]. Размеры храма указаны 12,3 x 5,6 м; дата открытия ошибочно отнесена к 1890 г., что породило путаницу у позднейших исследователей. Время полной перестройки здания позволяют уточнить упоминаемые в отчете о раскопках черепицы с метками в виде тамги [см.: Романчук, 2000, с. 242]. К. К. Косцюшко-Валюжинич относил последнюю постройку к “очень поздней эпохе (судя по убожеству кладки)”, чего нельзя сказать о кладке раннего большого храма. Два периода строительства храма отражают и монетные находки: к

к еще одному укрепленному загородному монастырю и носил кладбищенский характер. Ранний большой храм перекрывал два вырубленных в скале боковых склепа, вход в которые вел с юга и северо-востока через квадратные шахты, напоминающие вход в подземную галерею соседнего монастыря Влахенской Богоматери. Внутри обоих крипт оказались лишь разрозненные кости. Однозначно относить их к мартирию нет оснований, хотя не исключено, что по крайней мере одна из крипт, та, что имела одиночную лежанку, могла быть не монашеским кимитирием или липсанотекой, а хранила чьи-то святые мощи.

Передние устои апсиды здания непосредственно переходили в боковые стены, образуя очень маленькие заплечья. Поэтому называть сооружение “базиликой”, как это делали К. К. Косцюшко-Валюжинич и Д. В. Айналов, было бы неверно²⁷. Оно имело вход с западной стороны, через притвор, в котором были устроены выложенные из каменных плит гробницы. Доследовния Т. Ю. Яшаевой в 2006 г. показало, что одна из них была облицована плинфой с необычной красной обмазкой-глазурью, явно сделанной на заказ. С южной стороны располагался пастофорий или галерея, куда вела дверь с каменным порогом. К северу и югу от храма находились остатки довольно широких стен, принадлежавшие, возможно, жилым помещениям, кельям, трапезной.

В 15 м к северо-востоку визуально прослеживаются остатки кладки из подтесанных камней на глине, рядом с которыми в ходе разведки экспедиции Харьковского университета в 2004 г. удалось зафиксировать куски штукатурки со следами фрески серовато-голубых тонов, что позволяет предполагать здесь наличие еще одного храма или молельни. Собранный керамический материал демонстрировал крупные фрагменты римской черепицы, в том числе формы tegula laconica, а также более поздний амфорный, не выходящий за пределы VI - VII вв. [Сорочан, 2007а, с. 47-48].

Весь архитектурный комплекс доминировал над местностью, возвышаясь над дорогой, ведущей к Херсону, и, несмотря на ограду, был виден издали, в отличие от монастыря Богоматери Влахернской, расположенного в низине, под горокой. Примечательно, что оба сооружения, расположенные в одну линию на расстоянии примерно 100 м друг от друга, имели близкий азимут

первому относятся монеты Констанция, Льва I, Анастасия и Юстиниана I, ко второму – Михаила III и Василия I, Василия I, Льва VI, Романа I и более поздние. На то же указывает закладной камень в стене малого храма, на котором вырезан восьмиконечный крест позднего вида [Скубетов, 1910, с. 47, рис.5]. Здесь же в кладке одной из гробниц этого храма, возведенного на месте более раннего, было употреблено в качестве строительного материала известняковое надгробие со стандартной надписью “[Здесь лежит иже во] блаженной памяти раб Божий Кануполий [?]. Почил месяца июля 29-го, года 6423”, что соответствует 915 г. н.э. [Латышев, 1908, с. 29 - 30, № 23].

²⁷ По форме, планировке и даже размерам храм очень близок ранневизантийскому храму 1958 г. на месте античного театра [ср.: Сорочан, 2003 а, 65, рис.3].

(66,0° и 73,5°) и явно были рассчитаны на общее восприятие для приближавшихся к городу [Фирсов, 1973, с. 11, табл. I, № 56 - 57].

Последний из херсонских объектов мартериального культа является наиболее поздним и находился дальше других от города, на небольшом островке в Казачьей бухте, четвертой к западу от Херсона, куда можно было попасть по суше, пройдя около 10 км, либо плыть морем вдоль берега 8 км (со скоростью 4 узла на это требовалось около часа). Находившийся здесь паломнический комплекс, раскопанный в 1845 г. и доследованный в 1890 г., представлял собой обнесенный стеной - периволом двор площадью около 480 м² (21,7 x 22,2 м), с восточными воротами, группой расположенных по периметру небольших зданий с помещениями для паломников и немногочисленных служителей, вероятно, из числа монахов одного из херсонских монастырей, и крохотной церквушкой с верхним ярусом и нижним, подземным, в котором была устроена гробница. По убедительному предположению, высказанному А.Л. Бертъе-Делагардом и подкрепленному источниковедческими исследованиями Д.В. Айналова, в ней хранились мощи Св. муч. Климента Римского, с помощью Константина Философа открытые на этом островке (ad insulam, “блаженном остоке”) 30 января (3 февраля) 861 г. и перенесенные в город [Vita..., 1911, 142 - 147, § 3; Слово..., 1911, 127 - 130, гл.3 - 10; Слово..., 1990, 312 - 314; Ягич, 1893, 5 - 7 (латин. текст), 9 - 11 (пер.), §2 - 3. См.: Производство..., 1893, 36 - 37; Бертъе-Делагард, 1893, 58 - 64; Айналов, 1905, 139; Маркевич, 1909, 105 - 114; Айналов, 1916, 11-17]²⁸. Войдя в храм верных (naos), паломники направлялись к “святой гробнице” (tou agiou iarnaki), к которой, как следует из результатов раскопок, вел особый узкий ход, поддерживаемый аркадами, и затем тем же путем выходили обратно. Полы во всех помещениях были каменными, залитые цемянкой, а в святилище, алтарной части гробничной церкви выложены небольшими мраморными квадратными плитками. Одна из мраморных плит, украшенная резным крестом с небольшим отверстием, прикрывала фиал с чистой пресной водой, что заставляет вспомнить представлявшееся исключительно легендарным свидетельство мартириальных актов Св. Климента о чудесах исцеления паломников от “тяжких болезней” посредством питья воды и окропления ею, то есть о наличии на месте мартириальной церкви агиасмы [Херсонские святители, 1877, с. 158, 159].

Двор священного места и пол крипты с каменным саркофагом-реликварием (en soro lithine) находились почти на уровне моря и покрывались водой при больших ее нагонах [Бертъе-Делагард, 1893, с. 63]. Лишь при сильном южном ветре островок превращался в полуостров [Косцюшко-Валюжинич, 1891, с. 60]. Значит, пойти на

постройку в столь неудобном месте херсонитов могла заставить только церковная традиция, которую они свято.

Характер кладки стен и их направление ясно доказывают разновременность некоторых построек: достаточно указать на помещения гробничного храма, первоначальные очертания которого совершенно исказили позднейшие стенки [Отчет..., 1888-1890, с. 28, 42, 44]. Наиболее ранними на месте раскопок оказались три бронзовые херсоно-византийские монеты Василия I, Романа I и Романа II (если не считать четырех римских монет V в. – Констанция III, Льва I и еще двух неопределенных, которые, как правило, очень долго находились в обращении) [Производство..., 1893, с. 37]. Поэтому они могут свидетельствовать в пользу того, что постройка, а точнее, восстановление прежнего типового античного усадебного комплекса, теперь с храмом - мартирием, по преданию конца IX - X вв., первоначально “...воздвигнутого руками ангелов” (angelicus manibus praeparato), состоялась, скорее всего, вскоре после обретения мощей в 861 г., как и полагал А.Л. Бертъе-Делагард [Производство..., 1893, с. 36 - 37; Бертъе-Делагард, 1893, с. 60-61]. Некоторые рукописи VIII в. с текстом сочинения диакона Феодосия “De situ Terrae Sanctae” сообщают, что херсониты, “народ и священники” (populus et sacerdotes), приезжавшие из города в судах (in barcais), поначалу устраивали на месте чествования памяти св. Климента, рядом с его гробницей (arca) временный алтарь и раскидывали легкие навесы (tenduntur super se papiliones et ronitur altare), и, значит, монументальный храм появился не сразу [Феодосий, 1891, II - III, с. 5, 17 - 18, § 54]. В таком случае мы имеем дело с тремя строительными периодами – античным, от которого осталась только планировка бывшего здесь усадебного комплекса; ранневизантийским, когда здесь в лучшем случае существовала небольшая мемориальная постройка с гробницей (arca, archa) (ее остатки в виде невысокого холма - “in aservo” открыла благочестивая экспедиция на остров во главе с архиепископом Георгием), и конца IX в., когда на ее месте после довольно длительного запустения, наступившего с конца VIII - начала IX вв. ввиду обострения политической ситуации в Таврике, был заново отстроен архитектурный комплекс с храмом (templum) для монашествующих и паломников, окруженный периволом [Сорочан, 2010, с. 29 - 39]. Не исключено также, что в запустении памятного места сыграло свою роль постепенное поднятие к VIII в. уровня Черного моря приблизительно на метр - полтора выше современного (mare quippe fluctus suos ad nonnullos retractos spatia in proprios sinus collegerat, mare fluctus suos in pristinas stationes refuderat – “море собрало волны в свои бухты” - вторили друг другу Анастасий библиотекарь и агиограф Итальянской легенды), после чего к X в. последовало резкое понижение даже ниже современной отметки [Золотарев, 2004, с. 62 - 63, рис.5], что и позволило развернуть на низменном островке строительство более основательного паломнического комплекса с мартирием Св. Климента Римского.

²⁸ Эту точку зрения разделяют современные исследователи, в том числе наиболее крупные специалисты - клементоведы, Амвросий Эссер и Иоганн Хофманн [Esser, 1964, 141 - 146; Hofmann, 1992, 62 s.; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, 661 - 663; Крестный путь..., 2001, 2 - 14].

Итак, можно говорить о существовании в ранневизантийском Херсоне и его округе около десятка маририев, которые служили объектом поклонения для жителей города и паломников. Воспринимаясь как мощные ретрансляторы святости, они увеличивали сакральное поле, в котором находилась вся Византийская империя. К числу таких несомненных маририальных памятников относились по меньшей мере один из маририев при центральном епископальном кафедральном соборе Св. Апостолов на северном берегу, так называемый “пещерный храм” рядом с главной продольной улицей, маририй на месте погребения первого епископа Херсона Св. муч. Василия, вошедший в комплекс “дома Святого Леонтия” на северо-западной оконечности города, маририи в “святом могильнике” за пределами юго-восточной окраины города и маририй Св. муч. Климента Римского, связанный с паломническим комплексом на отдаленном острове в Казачьей бухте. Самые ранние из них, возникшие в “святом могильнике” около Карантинной бухты, относятся к концу IV - первой половине V вв. и, видимо, имели в основе некоторые из здешних расписных христианских склепов с заложенными локулами. Наиболее поздний, вероятно, с основательной перестройкой, был сооружен вскоре после 861 г. в Казачьей бухте и несомненно был связан с памятью Св. муч. Климента Римского. Зачастую

они имели простую структуру, такую общую черту как подземный склеп или крипту (хотя это и не являлось обязательным условием) и иногда были связаны с агиасмами или фиалами с целебной водой. В качестве теофанического мемория наиболее убедительным представляется уникальный для Херсона крупный купольный тетраконх (№47) в возвышенной западной оконечности города.

Таким образом, ранневизантийский Херсон располагал почти половиной всех известных основных типов и видов маририальных памятников, имевших в плане форму креста, прямоугольника с одиночной апсидой, триконха, тетраконха, причем в количестве даже больше, чем это было в обычном провинциальном ромейском городе, но большинство их было связано лишь с местнотимыми святыми мучениками, известными из херсонской житийной литературы, и сооружено во второй половине VI в., что совпадает с общим “строительным бумом”, пережитым городом в это время. Здесь пока неизвестно ни одного полигонального маририя, октагона, или квадратной в плане постройки такого рода. Большинство местных маририев имело простую прямоугольную планировку, что вполне соответствовало статусу центра малого паломничества, какой Херсон приобрел с VI-VII вв. и стабильно удерживал в дальнейшем многие столетия.

Abstract

S.B. SOROCHAN

ABOUT MARTYRS OF EARLY BYZANTINE CHERSON

In the article made to collect all items of information about sacral monuments of Early Byzantine Cherson, which can be ranked as number of martyrs. Their general features are allocated. It is possible to speak about two kinds of such structures by number about ten, connected with burial, relics of martyr or with a place, where there was a miracle accomplished by a God. To first concern the martyr of Uvarov's basilica (catholicon of St. Apostols), in a “cave temple”, in a monastery of St. Leontius, in the “sacred cemetery” outside city and on an island in Kazachja bay. Last

two were connected with agyasmos or thyalos with curative water. To the second kind concerns large tetrakonchos in western part of city. The constructions of these martyrs were begun not earlier than end of IV century and were held mainly in second half of VI century. Most late has arisen after 861 AD. The majority martyrs was connected to reverence of local sacred peoples, well known in agiography of Cherson (first byshofs of city), and only one (St. Clement of Rome) has acquired in IX century the common Byzantian status of reverence.